

НА ТЕМЫ ДРАМАТИКИ

США называют Западной Европе не только свои залежальные товары, но и бродвейскую драматуригию. Эта декадентская, человеконенавистническая драматуригию занимает видное место в «холодной войне», которую США ведут в Европе, стремясь деморализовать народы.

Мы публикуем статью немецкого журналиста Г. Эйлау, характеризующую засилье бродвейской драматуриги на сценах западноберлинских театров.

Г. ЭЙЛАУ

БРОДВЕЙ НА КУРФЮРСТЕНДАММЕ*

Если вы преуспевающий американский писатель, если вы хотите побороть своих конкурентов, если вы не хотите привлечь внимание комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, сядите к своему письменному столу, берите в качестве темы хорошенькое убийство, совершенное из низменных побуждений, прибавьте к нему десять капель сентиментальности, пять капель психонализма, двадцать пять капель извращенных чувств и шестьдесят капель кровожадной сенсации, — перемешайте все это... Неужели найдется кто-нибудь, кто захочет поставить подобную пьесу? — спросите вы.

Ну, разумеется... В вечернем нью-йоркском небе над Бродвеем скоро засветятся электрические рекламы, которые повествуют о новой истории убийства. А потом — и это не заставит себя долго ждать — свеженький образчик американского образа жизни начнет свой путь через океан, туда, где интересы американской политики требуют сбыта продуктов американской «культуры» подобного sorta. Туда, где холодная война создала свои очаги. Самым горячим из этих очагов является Западный Берлин. Здесь для подобного товара есть достаточно благодарных покупателей, здесь достаточно театров, репертуарные планы которых широко открыты низменному искусству, повествующему о тщете человеческой жизни и о ничтожности человеческой нравственности. Западноберлинские театры подчинили себя американскому бизнесу. Они ставят пьесы, направленные против жизни, они выливают ушаты грязи на души своих зрителей.

Это началось сразу же после войны. Пьеса Торнтона Уайльдера «Нам еще раз удалось спастись» запугивала людей, только что вздохнувших после пережитой катастрофы, будущей катастрофой, еще более ужасной.

Нам пришлось увидеть тогда пьесу того же автора «Наш город» и возмутиться тем, как она ратовала за самоунижение людей, являющихся жертвами социальной несправедливости. Знай сверчок свой шесток! Будь покорен! Оставайся на своем месте! Оставайся глупым! Образование не насытит тебя! — такова мораль этой пьесы. Будешь следовать этой морали, и тебя вознаградят счастье в своем маленьком горохе.

Эта драматуригию освещает жизнь ложным светом. Она искаляет подлинные отношения явлений, прежде всего общественные отношения, стремясь ввергнуть зрителя в состояние душевной неуверенности и беспersпективности.

Именно поэтому эта американская драматуригию работает при помощи ошеломительных парадоксов, именно поэтому она третирует нравственные основы, мораль, право, элементарные нормы человеческого общения, а в иных случаях демагогически обращает эти принципы в свою противоположность. Она доказывает: убийца не виновен... Где вы видели более славного, более симпатичного парня, чем тот сильный, как медведь, и добродушный, слабоумный, который в пьесе «О мышах и людях»**, шедшей на сцене Шлосспарктеатра***, всего-навсего придушил женщину, не пожелавшую

пойти навстречу его желаниям. Пьеса доказывает: он был прав, чего ради она отказывается?

В Геббелль-театре **** в пьесе «Стеклянный зверинец»***** зритель попадал в положение человека, который подглядывает сквозь замочную скважину, как посторонние люди перемывают свое грязное белье, как мать и ее двое взрослых детей мучают друг друга в обстановке серой беспersпективной повседневности, на которую наложили отпечаток американские фильмы, американские жевательная резинка, американские доллары. Типичной фигурой в пьесе является жаждущий приключений сынок, каждый вечер убегающий в кино, чтобы иметь возможность хоть полюбоваться на убийства, которых он не может совершить сам. «Потому что сейчас нет войны», — говорит он.

Потому что сейчас нет войны. Не правда ли, какое хорошее изречение? Война — вот цель, к которой хитроумными скользкими путями ведут все эти пьесы, провозглашающие бесмысличество и беспersпективность жизни. Если единственная перспектива на будущее — убивать самому или быть убитым во имя прибылей акционеров военной индустрии, значит, у хорошо оплатываемого продажного писателя нет задачи более важной, чем достаточно эффективное воспевание страсти к уничтожению человека, уничтожению физическому или моральному. Значит, у театральных Западного Берлина нет задачи более важной, чем эффективно изобразить этот процесс убивания в интересах тех, кто содержит эти театры.

В пьесе «Бионическая станция — тоска» женщину мучает и истязает муж, прimitивный, эгоцентричный, жестокий, мучает до тех пор, пока она не погибает. Каждая сцена длинной пьесы изображает этапы этой тибели, в finale — сумасшедший дом.

В пьесе «Каменный ангел» на такой же лад излагается история добродетельной дочери священника: первая любовь, морфий, проституция, сифилис, самоубийство...

Обе эти пьесы, принадлежащие одному и тому же автору, были сенсациями как на Бродвее, так и на Курфюрстендумме.

Интересны в этих пьесах не их человеконенавистнические сюжеты сами по себе, хотя их перечисление можно было бы продолжить сколь угодно. Интересно задать вопрос: почему именно в Западном Берлине поставлены эти пьесы с затратой стольких сил и такого артистического умения, которые бытно бы отрадно видеть у нас примененными для решения задачи более достойной?

Ответить на этот вопрос нетрудно. Для этого надо притянуться и к другим дарам, привозимым к нам американской «культуры». И в фильмах и в книгах одна и та же тенденция. Они воспевают разрушение человека, уничтожение всего человеческого в нем. Они живо доказывают, что это делает сама жизнь. Они живо уверяют, что желания и действия бессмысличны, ибо они все равно приведут к мировому хаосу. Все это утверждается словом и музыкой, кинофильмами и постановками в сотнях вариантов.

Трудно назвать время, когда театр в такой степени забывал бы свою обязанности и в такой мере предавал бы интересы своей нации, как это делает сейчас театр Западного Берлина.

* Курфюрстендумм — улица в Западном Берлине, на которой расположены различные здания и увеселительные заведения. Название ее стало собирательным понятием, символизирующим «культурную жизнь» Западного Берлина.

** «О мышах и людях» — инсценировка повести буржуазного американского писателя Дж. Стейнбека.

*** Шлосспарктеатр — драматический театр, расположенный в английском секторе Берлина.

**** Геббелль-театр — драматический театр, расположенный в американском секторе Берлина.

***** «Стеклянный зверинец» — пьеса буржуазного американского драматурга Тэнсни Вильямса.